

Галяпина Виктория Николаевна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ «ЮЖНЫХ» ОСЕТИН-МИГРАНТОВ

В статье представлены результаты изучения взаимосвязи социокультурной дезадаптации мигрантов из Южной Осетии с их этнопсихологическими и личностными характеристиками. Выделены основные социокультурные и социально-психологические проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при переселении в Северную Осетию-Аланию.

Ключевые слова: этническая и региональная идентичность, социокультурная адаптация мигрантов.

Galyapina Victoria N.

SOCIO CULTURAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF ADAPTATION OF THE « SOUTHERN » OSSETIAN MIGRANTS

The article presents the Results of studying the interrelation of sociocultural disadaptation of migrants from South Ossetia with their ethno-psychological and personal characteristics. The main sociocultural and social-psychological problems which migrants face at resettlement to Northern Ossetia-Alania are emphasized.

Key words: ethnical and regional identity, sociocultural adaptation of migrants.

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались не только распадом СССР, но и обострением межэтнических противоречий. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась на Южном Кавказе.

Осетино-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года явился продолжением неразрешенных противоречий 1989–1992 гг. В результате военных действий большое количество жителей Южной Осетии были вынуждены покинуть места своего проживания и переселиться на территорию Северной Осетии-Алании, что повлекло за собой проблему интеграции мигрантов в новое социокультурное пространство.

Исходя из этого, возникает важная проблема – осуществление эффективной миграционной политики в Северной Осетии, направленной на адаптацию вынужденных переселенцев, позволяющей предупреждать и преодолевать «горизонтальные» (между беженцами и местным населением) и «вертикальные» противоречия и конфликты (между беженцами и властными структурами). В целом это позволит снижать напряженность в республике и повышать безопасность, а на уровне личности – создать условия для успешной социокультурной, социально-психологической адаптации осетин, вынужденно покинувших свою Родину.

Эти обстоятельства заставляют ученых исследовать проблемы адаптации осетин-мигрантов. В рамках данного исследования важным является понимание особенностей складывания такой общности как «южные осетины». Южная Осетия – понятие не этническое, «южных осетин» в качестве отдельного сообщества не существует (хотя некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения) [4]. Однако необходимо указать, что в обыденном сознании осетины – уроженцы Южной Осетии и их потомки – объединяются в южно-осетинское общество называемое «кударцы» или «кудайраг». На самом деле этот термин в Южной Осетии используется для обозначения территориальной общности жителей пос. Кваиса и сел Кударского ущелья (10 % территории и 5 % населения Южной Осетии) – аналог терминов «сибиряки», «краснодарцы», « сахалинцы », « петербуржцы » и т. д.

В своем исследовании при анализе объекта мы понимали, что осетины, выходцы из Южной Осетии, отличаются от осетин, выходцев из Северной Осетии – Алании (к сожалению, специальных исследований в данном направлении не проводилось, есть несколько работ, посвященных изучению взаимовосприятия вынужденными переселенцами из Южной Осетии и Северной Осетии – Алании друг друга [3; 7]. Вероятность того, что эти отличия существуют не только благодаря Кавказскому хребту (долгие годы он считался одной из основных причин невозможности объединения Осетии), очень велика. Особенности политического, экономического, социокультурного развития Южной и Северной

Изучению проблем социокультурной адаптации выходцев из Южной Осетии, вынужденно переселившихся на территорию Северной Осетии-Алании, было посвящено исследование, проведенное нами в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

В своем исследовании мы использовали теоретические подходы, раскрывающие кросскультурные подходы, объясняющие различные аспекты и стороны процесса адаптации вынужденных переселенцев к новым условиям жизни, предложенные в работах Лебедевой [5; 6], Солдатовой

[8], 1998; Шлягиной, Бардиной, Шайгеровой, Щербаковой [10], Гриценко [1; 2]. Также в данной работе были использованы результаты изучения вынужденной миграции осетин – выходцев из Южной Осетии, описанные в статьях Павловец [7] и Дулаева [3].

Теоретические концепции, лежащие в основе проведенного нами исследования, опираются на достижения зарубежной психологии, развивающиеся в русле теорий культурных ценностных ориентаций Шварца [13], аккультурации Берри [12].

Исследование представляло собой многоаспектное изучение проблемы социокультурной адаптации осетин, выходцев из Южной Осетии, вынужденно проживающих на территории Северной Осетии-Алании. В нем приняли участие 400 респондентов. Исследование проходило с помощью опроса (анкетирование), а также 25 экспертных интервью. Методика включала в себя три блока: изучение ценностных ориентаций, изучение особенностей социокультурной адаптации и получение персональной информации о респонденте. Для осуществления исследования была разработана анкета, в которой были использованы: методика Шварца (культурный уровень), анкета Лебедевой и Татарко [6], опросник Берри, а также модифицированный вариант шкалы склонности к нарушению социальных норм и правил Орла [10], а также разработанная нами шкала этнокультурной девиации, которая состоит из десяти суждений, описывающих различные типы этнокультурных норм. За основу были взяты материалы, представленные в работе Гарри К. Триандиса [9]. Для обработки результатов использовались системы SPSS и Statistica. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых результатах исследования.

Важным вопросом в данном исследовании было выявление этнической, региональной и российской идентичности осетин-мигрантов (см. рис.). Результаты свидетельствуют о том, что у осетин, выходцев из Южной Осетии, наиболее выражена региональная идентичность, она значимо выше, чем этническая и российская идентичности ($p < 0,05$). То есть, осетины в большей степени ощущают себя представителями своей республики, нежели осетинами или гражданами России. На это также указывают ответы на вопрос: «Кто я?». 9 % опрошенных респондентов указывали «кударец», «южный осетин», «гражданин Южной Осетии» и только 2 % опрошенных указали «осетин», «гражданин России».

Рис. Гистограмма сравнительных результатов изучения выраженной этнической, региональной, российской идентичности и их валентности

Несмотря на то, что социальная дистанция с осетинами, выходцами из Северной Осетии (1,7 баллов, при максимальном значении 7 баллов), и осетинами, выходцами из Грузии (3,6 балла), была небольшая и эмоциональное отношение к представителям этих групп положительное (к осетинам, выходцам из Северной Осетии – Алании, 85,4; к осетинам, выходцам из Грузии – 60,3), респонденты указывали на различия между осетинами всех этих групп. Например, при описании качеств, присущих представителям этнических групп, респонденты отмечали, что осетины, выходцы из Южной Осетии, «...терпеливые, дружелюбные, щедрые, трудолюбивые»; осетины, выходцы из Северной Осетии, «...гордые, подозрительные, гостеприимные, аккуратные, интеллигентные»; осетины, выходцы из Грузии, «...нагловатые, мудрые, предприимчивые».

Значимых различий между позитивностью этнической и региональной идентичностями выявлено не было, однако установлено, что и этническая и региональная идентичности более позитивны, чем российская (соответственно $p < 0,01$ и $p < 0,05$).

Таким образом, можно сказать, что осетины, вынужденные переселенцы из Южной Осетии, проживающие в РСО-Алания, ощущают себя, прежде всего, гражданами Южной Осетии, то есть, «южными осетинами». Эта принадлежность, а также принадлежность к осетинскому этносу вызывает у них наиболее позитивные чувства; российская идентичность менее значима и менее позитивна.

Уровень социокультурной дезадаптации осетин, вынужденно покинувших Южную Осетию и проживающих на территории Северной Осетии-Алании, определялся на основе субъективной оценки респондентами преодоления ими различных проблем и трудностей, связанных с переездом. В нашем исследовании уровень дезадаптации респондентов составил 2,32 балла (макс. 5), что является средним показателем.

Проранжировав значимость трудностей, с которыми сталкиваются мигранты, мы получили такую последовательность: трудно взаимодействовать с чиновниками; находить жильё; иметь дело с представителями власти; жить в этом климате; делать покупки; найти свой путь в жизни; добиться понимания; общаться с людьми разных национальностей; говорить о себе с другими людьми; следовать данному темпу жизни; следовать правилам и распоряжениям; находиться в общественных местах; строить взаимоотношения с противоположным полом; понимать этнические и культурные различия; взаимоотношения в семье; пользоваться транспортом; покупать (находить, доставать) продукты, которые любишь; понимать шутки и юмор; соблюдать свою религию; заводить друзей.

Таким образом, можно сказать, что среди проблем, вызывающих наибольшие затруднения, те, которые связаны в ситуациями иерархического общения (с властью, чиновниками), далее идут трудности, связанные с физиологической адаптацией и осуществлением достаточно формализованных контактов, чаще всего связанных с экономическими отношениями (природно-климатическая адаптация, поиск жилья, осуществление покупок). Такая значимость данных проблем определяется естественными различиями в общественно-экономическом и политическом устройстве Южной и Северной Осетий, а также с природно-климатическими особенностями.

В середине находятся проблемы социально-психологического и личностного значения, связанные с осмысливанием своего пути и нахождением понимания во взаимоотношениях с окружающими. Это, возможно, определяется стремлением мигрантов разрешить проблему разрушения устоявшегося образа жизни, сбалансированных отношений в системах человек-человек, человек-среда, поиском смысла сделанного выбора.

Наименьшие трудности вызывало у мигрантов понимание шуток, юмора, соблюдение религии и выстраивание дружеских отношений, то есть проблемы, которые можно отнести к межличностному взаимодействию и этнокультурному поведению. Это объяснимо, поскольку у осетин из Южной и Северной Осетий существует единство культуры и языка, а также на территории поселения (РСО-Алания) мигранты имеют большое количество родственников и знакомых, то есть у них отчасти сохраняются социальные связи.

Изучение взаимосвязей социокультурной дезадаптации с этнокультурными и психологическими характеристиками (см. табл.) показывает, что у мигрантов уровень социокультурной дезадаптации во многом связан с неудовлетворенностью уровнем и образом жизни и собой, ощущением тревоги, депрессии, снижением интереса к политической жизни, а также снижением ценностей «Гармонии» (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды) и «Принадлежности» (социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, вежливость, национальная безопасность, взаимоуважительность, долг, мудрость, уважение старших, сохранение своего публичного образа, умение прощать, чистоплотность, благочестие).

Таблица

Взаимосвязи социокультурной дезадаптации с этнопсихологическими, социально-психологическими и личностными характеристиками «южных» осетин-мигрантов

№ п/п	Переменные	г	P
1	Удовлетворенность жизнью	-0,19	0,01
2	Ценности «Гармонии»	-0,17	0,04
3	Ценности «Принадлежности»	-0,15	0,05
4	Удовлетворенность собой	-0,22	0,006
5	Уровень тревожности	0,18	0,02
6	Уровень депрессии	0,19	0,01
7	Интерес к политической жизни	-0,14	0,05

Таким образом, можно сказать, что мигранты с высоким уровнем дезадаптации не удовлетворены жизнью и собой, имеют повышенную тревожность, подвержены депрессии, не интересуются политической жизнью, для них малозначимыми являются такие ценности как мир, гармония с природой, социальный порядок, уважение традиций, долг, и пр. То есть, можно говорить, что при решении проблем, связанных с отношениями между личностью и группой, мигранты, имеющий высокий уровень дезадаптации, склонны больше ценить автономию, нежели принадлежность к группе. Возможно, определенный разрыв отношений с социокультурной средой при переезде снижает значимость таких ценностей как уважение своего публичного образа, обязательность, сохранение традиций и пр.

В решении проблем регуляции отношения людей к природному и социальному окружению мигранты, имеющий высокий уровень дезадаптации, предпочитают ценности «Мастерства» ценностям «Гармонии».

Интересным также является тот факт, что уровень тревожности мигрантов связан с уровнем их доверия к окружающему миру, обществу, людям и выраженной российской идентичности: чем выше тревожность, тем ниже доверие ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$) и выраженная российская идентичность ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$). Можно сказать, что большую тревогу испытывают мигранты, не доверяющие другим и в меньшей степени ощущающие себя россиянами.

В целом, результаты свидетельствуют о том, что социокультурная адаптация «южных» осетин-мигрантов, проживающих на территории Северной Осетии-Алании, определяется эффективным преодолением трудностей, связанных с иерархическим общением (властные структуры), формализованным общением, заданным социально-экономическими отношениями (найм жилья, совершение покупок), а также с преодолением трудностей физической и социально-психологической адаптации (природно-климатические условия, поиск своего жизненного пути, общение с людьми разных национальностей; способность говорить о себе с другими людьми и пр.).

Неэффективное разрешение подобных трудностей влечет неудовлетворенность собой и жизнью, повышенную тревожность, депрессивность, снижение интереса к политической жизни.

Решением проблемы преодоления повышенной тревожности мигрантов является повышение их уровня доверия и формирования российской идентичности.

Данные результаты могут быть использованы в решении проблемы эффективной интеграции вынужденных переселенцев из Южной Осетии в российское общество. В свою очередь, это будет способствовать снижению социальной напряженности в территориях, где они проживают, эффективному использованию потенциала вынужденных переселенцев в развитии общества, а также психологическому комфорту людей, находящихся в кризисной ситуации.

Литература

- Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Гриценко В. В., Смотрова Т. Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в Российское общество. Смоленск, 2008.
- Дулаев И. Этнические стереотипы беженцев // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Мн., 2004. С.258–269.
- Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М. Изд-во «Наука», 2004.
- Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007. С. 461–481
- Павловец Г. Этнопсихологические особенности беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Мн., 2004. С.245–258
- Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Изд-во «Форум», 2007. С. 135–143
- Фетискин Н. П., Миронова Т. И. Социально-психологическая диагностика личности и группы: психодиагностический практикум. Кострома, 2001.
- Шлягина Е. И., Бардина И. В., Шайгерова Л. А., Щербакова А. Б. Возможности этнопсихологии личности в решении проблем вынужденной миграции// Этническая психология и общество. М.: «Старый сад», 1997.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segal M. N., Dasen P. R. Cross-cultural psychology: Research and Applications. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002
- Schwartz S. Mapping and interpreting cultural differences around the world / H. Vinken, J. Soeters & P. Ester (eds.) // Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. Brill, 2004.